

ВЕРХОВНЫЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОНВЕНТ

(ИЗ ИСТОРИИ МЕКСИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1910—1917 гг.)

Н. М. Лавров

Верховный революционный конвент — интереснейшее явление в истории мексиканской революции. Редкая монография не упоминает о нем, хотя до сих пор он мало изучен. Это можно отчасти объяснить тем, что многие архивы конвента погибли, поскольку в условиях развернувшейся в Мексике в 1914—1916 гг. гражданской войны он переезжал из одного города в другой¹. В Главном национальном архиве Мексики документы конвента, над которыми работал автор данной статьи, до сих пор не разобраны, не описаны, даже не пронумерованы. Среди хранящегося здесь уникального собрания газет, журналов, брошюр периода революции 1910—1917 гг. находятся и стенограммы заседаний Ассамблеи конвента за 1914—1915 годы.

В советской литературе нет специальных работ по истории революционного конвента. Из книг зарубежных авторов следует отметить две монографии, специально посвященные этой теме. В 1960 г. Р. Квирк (США) опубликовал исследование, в котором проследил генезис, эволюцию и гибель конвента². В 1966 г. была издана книга об истории конвента мексиканского ученого Л. Ф. Амайи³.

Начавшаяся в Мексике в ноябре 1910 г. революция прошла в своем развитии несколько этапов. Первый охватывает период от ноября 1910 г. до мая 1911 г., то есть от начала революции до падения диктатуры П. Диаса; второй — с мая 1911 г. по февраль 1913 г., то есть от падения диктатуры П. Диаса до контрреволюционного мятежа порфиристского генерала В. Уэрты и свержения буржуазно-национального правительства Ф. Мадеро. Третий этап (февраль 1913 г. — июль 1914 г.) — период диктаторского правления В. Уэрты, после падения которого наступил четвертый, последний этап революции. Уже в ходе третьего этапа началось размежевание сил в едином блоке демократических и антиимпериалистических сил, выступавших против реакционной диктатуры Уэрты. Историческая необходимость уничтожения этой диктатуры как попытки сил самой махровой реакции восстановить дореволюционные порядки обусловила единство всех классов и социальных слоев мексиканского народа, стоявших на платформе революции. Но с приближением конца диктатуры Уэрты это единство стало распадаться и все отчетливее проявлялись разные интересы каждого из классов.

¹ Начав работать в столице в октябре 1914 г., конвент переехал в г. Агуаскальентес, затем вернулся в столицу, откуда переехал в г. Куэрнавака, потом снова в столицу и, наконец, в г. Толуку.

² R. E. Quirk. The Mexican Revolution. 1914—1915. The Convention of Aguascalientes. Bloomington. 1960.

³ L. C. F. Amaya. La Soberana Convención Revolucionaria. 1914—1916. Mexico. 1966.

В канун революции и на ее первом этапе главными лозунгами были выдвинутые Ф. Мадеро требования выборов и отставки Диаса; все классы, выступившие против диктатуры, шли под общим знаменем борьбы за демократию. Но в дальнейшем, по мере роста активности масс и развития классовой борьбы, абстрактное содержание лозунга демократии стало наполняться конкретным содержанием. На эту закономерность эволюции понятия демократии в условиях перерастания буржуазной революции в буржуазно-демократическую обращал внимание В. И. Ленин. Он писал: «Перед буржуазной революцией, в начале ее, во имя демократии выступают все: и пролетариат, и крестьянство вместе с городскими мелкобуржуазными элементами, и либеральные буржуа вместе с либеральными помещиками. Лишь в ходе классовой борьбы, лишь в более или менее продолжительном историческом развитии революции вскрывается разное понимание этой «демократии» разными классами. Мало того: вскрывается глубокая пропасть между интересами различных классов, требующими *различных* экономических и политических мероприятий во имя одной и той же «демократии»⁴. На третьем этапе мексиканской революции выявились серьезные расхождения между разными классами — участниками революции. Это было проявлением объективного процесса, ибо только в ходе борьбы, только в ходе этого процесса развития революции «выясняется, что один «демократический» класс или слой не хочет или не может идти так далеко, как другой, — что на почве осуществления «общих» (якобы общих) задач развертываются ожесточенные столкновения за *способ* осуществления, например, за ту или иную степень, широту и последовательность свободы, народо-властия, за тот или иной переход земли к крестьянству и т. д.»⁵.

Этот различный подход отдельных классов к основным проблемам революции стал все четче вырисовываться к моменту краха режима Уэрты, когда встал вопрос: или дальнейшее развитие классовой борьбы или свертывание ее; или аграрная революция или конец революции в целом. Силы аграрной революции были представлены широкими крестьянскими массами, мелкобуржуазными слоями, революционной интеллигенцией. Они имели хорошо организованные воинские соединения: Северную дивизию Ф. Вильи и Освободительную армию Э. Сапаты, стоявшую у ворот столицы. Северная дивизия Вильи, как таран, крушила оборону федеральной армии на главном направлении и неумолимо двигалась на юг, имея реальную возможность продвинуться к столице первой. Это не входило в планы лидера мексиканской буржуазии и либеральных помещиков В. Каррансы. В июне 1914 г., в канун падения Уэрты, возник конфликт между Ф. Вильей и «первым вождем» революции В. Каррансой, добивавшимся отставки Ф. Вильи с поста командующего Северной дивизией. Но в конфликт вмешались Ф. Анхелес, Э. Агирре Бенавидес, М. Эррера, Х. Роблес, Т. Урбина и другие ведущие генералы Северной дивизии, которые в телеграмме Каррансе писали, что «отставка Ф. Вильи в настоящий момент имела бы нежелательные и серьезные последствия не только внутри страны, но и за ее пределами»⁶. Карранса, не желая вступать в конфликт со всем генералитетом Северной дивизии, вынужден был оставить Вилью на посту командующего Северной дивизией, но по-прежнему относился к нему враждебно. Рано или поздно столкновение должно было произойти с новой силой, поскольку политическая линия Вильи противоречила устремлениям Каррансы, вызывала опасения буржуазных лидеров конституционалистов. В одном из своих выступлений Ф. Вилья указывал: «Я всегда проявлял верность родине

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 15, стр. 277.

⁵ Там же, стр. 277—278.

⁶ «Documentos históricos de la Revolución Mexicana. Revolución y régimen constitucionalista» (далее — DHRM). Т. 1. Mexico. 1960, p. 275.

и идеалам моего народа. Я торжественно заявляю, что не имею никаких честолюбивых намерений, а лишь добиваюсь торжества наших принципов, а именно установления демократического, справедливого правительства, созданного волей народа, которое осуществит реформы, необходимые для установления нового режима, основанного на равенстве, правде и справедливости для всех, режима, который избавит обездоленные классы от нищеты, унижений и преследований; и, наконец, чтобы установить прочное правительство, способное устранить любую опасность для суверенитета и единства страны»⁷.

Революционная деятельность Вильи и его программа не только внушали страх латифундистам, силам старого режима и империалистам, но и вызывали опасение либеральных помещиков и буржуазии, которые находились в лагере революции и интересы которых представлял В. Карранса. Не меньшее беспокойство у них вызывала деятельность Э. Сапаты как вождя аграрной революции на юге страны. Из разных районов, находившихся под контролем Освободительной армии, на имя Сапаты шли просьбы крестьян вернуть захваченные у них помещиками земли во исполнение плана Айялы⁸. Так, крестьяне и пеоны асьенд Ауакатитлан и Ривера писали Сапате: «План Айялы является единственным документом, в котором четко сформулирована аграрная программа, отражающая требования мексиканского народа. Клянемся нашими родителями и детьми защищать и бороться за ее полное выполнение»⁹. Крестьяне и пеоны многих деревень обращались к представителям командования Освободительной армии с просьбой помочь им провести конфискацию помещичьей земли. Проведение в жизнь плана Айялы было трудным процессом, сопровождавшимся острыми классовыми конфликтами. Помещики сопротивлялись ему, а при удобном случае переходили в наступление. В деревне шла жестокая, кровавая борьба крестьян за землю. Она сливалась с движением широких народных масс Мексики за радикальное решение задач буржуазно-демократической революции. Такое развитие революции не соответствовало интересам либеральных помещиков и либеральной буржуазии. Они готовы были идти вместе с крестьянством в борьбе против диктатуры Диаса, а затем Уэрты, но их пугала самостоятельность и радикализм масс, радикализм таких народных вождей, как Сапата и Вилья.

Чем острее вставал главный вопрос революции — вопрос о власти (окажется ли она в руках Вильи и Сапаты или останется в руках Каррансы), тем активнее разрабатывали некоторые деятели из окружения «первого вождя» план разгрома Вильи и Сапаты. Так, например, представитель правого крыла в революции Х. Васконселос, обращаясь к Каррансе, предлагал ему создать центральное правительство и провозгласить программу, способную «успокоить консервативные классы, которые увидят, что Вы и революция гарантируете им законные права»¹⁰. Карранса приказал генералам А. Обрегону и П. Гонсалесу перерезать армии Вильи путь на юг и не допустить ее соединения с армией Сапаты. Выполнение этого плана началось еще с момента борьбы за Сакатекас. Северная дивизия не могла двигаться на юг, так как по требованию Каррансы ее снабжение каменным углем прекратилось. Эшелоны армии Вильи замерли на железнодорожных путях в районе Сакатекаса. Обеспокоенный Ф. Вилья телеграфировал об этом Обрегону и предлагал встретиться, чтобы обменяться мнениями по поводу трудностей в отно-

⁷ Ibid., p. 287.

⁸ Революционная аграрная программа, провозглашенная Э. Сапатой 28 ноября 1911 г.

⁹ «Archivo General de la Nación Mexicana» (далее — AGNM). Convención Revolucionaria. Secretaría de Gobernación. Asuntos agrarios. Leg. 3.

¹⁰ DHRM. T. 1, p. 121.

шениях с Каррансой. Однако Обрегон ответил, что не считает необходимым вести какие-либо переговоры, пока идет вооруженная борьба против федеральной армии¹¹. Тогда Ф. Вилья обратился к командующему Северо-восточной дивизии П. Гонсалесу. Среди генералов этой дивизии были и такие (например, А. Вильяреаль), которые не являлись слепым орудием В. Каррансы и выступали за соглашение с Вильей. П. Гонсалес не возражал против переговоров, тем более, что Северо-восточной дивизии особо важных операций не предстояло. 4 июля 1914 г. в Торреоне встретились делегаты Северной и Северо-восточной дивизий. Делегация Северной дивизии потребовала, чтобы Карранса продолжал снабжать Северную дивизию боеприпасами, продовольствием и снаряжением¹². Именно на этой конференции был согласован вопрос о созыве революционного конвента для решения вопроса о создании конституционного правительства. Конвент должен был созвать «первый вождь революции», главнокомандующий конституционалистской армией генерал В. Карранса. Предусматривалось, что командующие соединений и частей конституционалистской армии назначат делегатов конвента (один делегат от 1 тыс. человек личного состава). Таким образом, речь шла о совещании только военных деятелей.

После капитуляции армии Уэрты в июле 1914 г. столица была занята армией А. Обрегона. Вскоре туда прибыл Карранса. 4 сентября он направил всем военачальникам и командующим войсками штатов телеграмму, в которой указывал, что, поскольку еще в плане Гвадалупе¹³ упоминалось о созыве совещания военных и государственных деятелей, как только будет освобождена столица, то он, Карранса, назначает открытие такого совещания на 1 октября. Это совещание и получило название конвента революционных сил. К этому времени Карранса надеялся нанести удары по армиям Э. Сапаты и Ф. Вильи. 21 сентября он отдал приказ соединениям конституционалистской армии атаковать части Северной дивизии¹⁴. В связи с начавшимися передвижениями каррансистских войск Ф. Вилья отдал приказ о приведении в боевую готовность Северной дивизии и решил двинуться на юг, обратившись к Э. Сапате с предложением о союзе и совместных действиях против Каррансы.

22 сентября Вилья направил Э. Сапате письмо, в котором писал: «Нельзя больше терпеть антинародное поведение В. Каррансы, принимающего все меры, чтобы разъединить нас, дискредитировать в глазах заграницы. Все мои генералы и я сам считаем необходимым как можно раньше избавить родину от честолюбивых замыслов т. н. первого вождя конституционалистской армии. Начиная с сегодняшнего дня, мы не признаем его больше вождем нации и считаем необходимым передачу верховной власти в руки истинных представителей народа». Сообщив Сапате о подготовке к походу на столицу, Вилья подчеркнул, что знает его как твердого борца за интересы народа и «поэтому, — писал он далее, — я с полным основанием ожидаю, что Вы, вдохновляемый теми же стремлениями, что и я, объявите о непризнании В. Каррансы и подготовите должным образом свои войска, чтобы мы одновременно начали движение к столице и, координируя наши действия, создали власть, которая позаботится о подлинном возвышении нашей родины»¹⁵.

¹¹ A. Obregon. Ocho mil kilometros en campaña. Mexico. 1960, pp. 127, 132, 133.

¹² «Planes políticos y otros documentos». Mexico. 1954, pp. 152, 153.

¹³ 26 марта 1913 г., вскоре после контрреволюционного переворота В. Уэрты, представители различных добровольческих отрядов, начавшие вооруженную борьбу за восстановление конституционного режима, собрались на асьенде Гвадалупе в штате Коауила, где приняли программу борьбы за торжество революции.

¹⁴ «Cronicas y debates de las sesiones de la Soberana Convención Revolucionaria». Г. I. Mexico. 1964, pp. 10, 11.

¹⁵ AGNM. División del Norte. General en Jefe. Correspondencia Particular. Documento № 36 (482).

Конвент революционных сил открылся 1 октября 1914 г. в Мехико, но поскольку на нем возобладали антикаррансистские настроения, то делегаты решили переехать в г. Агуаскальентес, подальше от Каррансы, находившегося в столице. Сюда приехали и делегаты Северной дивизии во главе с личным представителем Ф. Вильи генералом Ф. Анхелесом. Антикаррансистское большинство конвента стремилось использовать конвент для предотвращения гражданской войны, решив коренные вопросы революции мирным путем. На заседании 14 октября ряд делегатов предложил объявить конвент верховным органом власти в стране. Однако делегат Северной дивизии полковник Р. Гарса поставил вопрос: как можно объявлять конвент верховным собранием, если нет представителей Э. Сапаты. Генерал Ф. Анхелес внес предложение пригласить Э. Сапату и его представителей, чтобы «вместе обсудить главные проблемы страны». 15 октября была сформирована делегация для поездки к Сапате во главе с Ф. Анхелесом. По возвращении 26 октября он доложил конвенту, что «на всем пути делегацию встречали с исключительной вежливостью и сердечностью и даже, можно сказать, с энтузиазмом»¹⁶. Ф. Анхелес сообщил, что Э. Сапата назначил своих представителей, которые уже прибыли и ждут распоряжений конвента.

Появление делегации Освободительной армии Юга в зале заседаний конвента утром 27 октября было встречено бурными аплодисментами. Председательствующий А. Вильяреаль обратился к делегации с приветствием, а затем предоставил слово ее руководителю П. Мартинесу, который рассказал о революционной программе сапатистов — плане Айялы, отразившем стремление революционеров Юга «гарантировать экономическую свободу мексиканскому народу — базу политической свободы». Выразив отрицательное отношение сапатистов к Каррансе и охарактеризовав план Айялы как базу деятельности всех революционеров страны, П. Мартинес, однако, не предложил средств претворения в жизнь идеалов революции¹⁷. У сапатистов не было ясного представления о путях революционных преобразований. Член их делегации А. Диас Сото-и-Гама высказывал анархистские суждения о революционной власти и государстве¹⁸. Он не помышлял о том, что можно создать правительство, способное выполнять чаяния народа. По предложению руководителей делегации Северной дивизии Р. Гарсы и Ф. Анхелеса план Айялы был единодушно принят конвентом¹⁹. После этого конвент приступил к обсуждению вопроса о верховной власти, о разногласиях между Вильей и Каррансой. В интересах революции решено было просить Каррансу сложить с себя полномочия главы исполнительной власти и верховного главнокомандующего. Поскольку Карранса игнорировал эту просьбу, то конвент постановил лишить его всех постов. Временным президентом страны был избран генерал Э. Гутьеррес.

Карранса, однако, и не думал добровольно отказываться от власти. Он делал все, чтобы ослабить позиции революционной демократии, требовал отстранения Э. Сапаты и Ф. Вильи от политической и военной деятельности, высылки их из Мексики. Стремясь расколоть конвент и обеспечить решающие позиции в революции буржуазно-помещичьему блоку, заинтересованному в разгроме сил революционной демократии, Карранса отдал приказ, чтобы все генералы и офицеры конституционалистской армии покинули конвент, вывели свои соединения и части из подчинения ему и передали их в его распоряжение, как верховного главнокомандующего²⁰. При этом Карранса использовал наличие двух

¹⁶ «La Convención», 23.XII.1914. Debates de las sesiones... Sesión de 14 Octubre; Sesión de 26 Octubre de 1914.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ «La Convención», 1.VI.1915. Debates de las sesiones de la Convención Soberana.

¹⁹ «La Convención», 16.I.1915.

²⁰ «La Convención», 17.XI.1914; «Vida Nueva», 25.XI.1914.

тенденций в конвенте. Радикальная тенденция делегаций революционных армий Юга и Севера настораживала конституционалистскую часть конвента. Подчиняясь приказу В. Каррансы, конвент покинули генералы А. Вильярреаль, А. Обрегон, Эд. Ай, а также бывший генерал Северной дивизии М. Чао, которые повели активную борьбу против конвента. Следует заметить, что А. Вильярреаль и А. Обрегон претендовали на пост, который Ассамблея доверила Э. Гутьерресу. Еще 19 октября на заседании Ассамблеи Обрегон заявил, что следует объявить мятежником каждого, кто нарушит клятву, данную конвенту. «Пусть,— говорил он,— снимут с меня генеральские погоны, я пойду сержантом воевать против того, кто восстанет против конвента». М. Чао вторил: «Я пойду с сержантом Обрегоном рядовым солдатом»²¹, а через месяц Обрегон и Чао, сохранившие свои генеральские погоны, начали вооруженные действия против конвента. В обращении к Ф. Вилье Обрегон потребовал, чтобы Северная дивизия прекратила продвижение на Юг. Одновременно он поставил в известность Каррансу о готовности начать военные действия против Вильи²². В начале декабря 1914 г. Обрегон опубликовал «Манифест к нации», явившийся сигналом к началу гражданской войны. В этом документе он призвал «честных революционеров» выступить против «чудовища Вильи» и «гнезда изменников» — Северной дивизии для победы «правого дела во главе с В. Каррансой»²³.

Между тем конвент делал все возможное, чтобы предотвратить гражданскую войну. Главной его задачей являлось возвращение страны к мирной жизни и решение поставленных революцией проблем в целях изменения положения народных масс и процветания страны. В самом начале работы конвента был разработан проект экономической программы. Он отражал устремления ее авторов к лучшему будущему своей родины, хотя и был пронизан мелкобуржуазными иллюзиями о гармонии классовых интересов и преклонением перед буржуазной законностью. Авторы программы, боясь, как бы «общественное мнение» не обвинило их и, конечно, конвент в предпочтении одних классов и политических группировок другим, делали соответствующие оговорки. В проекте указывалось, что «социальное благополучие нации теснейшим образом связано с ее экономическим развитием»; что нет социального мира там, где «нет справедливого распределения богатств, где пролетариат находится в невыгодных условиях перед хозяевами. Чтобы добиться экономического развития, нужны реформы; промышленность не должна находиться в руках кучки привилегированных. До сих пор все было подчинено монополиям, как правило, связанным с Вашингтоном». Характеризуя роль иностранного капитала в Мексике, авторы проекта указывали, что он «сыграл важную роль в возникновении и в первоначальном развитии мексиканской промышленности», но высказали пожелание, чтобы иностранный капитал, уже вложенный в экономику страны, «не имел преимуществ перед национальным» и «чтобы осуществлялось стимулирование во что бы то ни стало капиталовложений мексиканского капитала. К тому же необходимо в течение ближайших лет заменить в промышленности технический и промышленный персонал, который является в основном иностранным, мексиканским». В документе указывалось, что одной из главных целей конвента «в соответствии с идеалами революции является улучшение положения рабочего класса». В связи с этим предусматривалась разработка законов, которые должны были гарантировать пролетариату получение зарплаты, выплату пенсий по инвалидности или вследствие несчастного случая на работе, запрещение замо-

²¹ «La Convención», 5.I.1915.

²² «Archivo General de la Secretaria Exterior de Mexico». L-E-841. R. Leg. 2, f. 16.

²³ «Archivo Historico del Instituto de Antropologia e Historia de Mexico». Legajo

раживания зарплаты, ликвидацию «тьендас де райа»²⁴ (тьендас де райа — хозяйская лавка, где рабочий обязан был покупать товары, как правило, втридорога).

При обсуждении проблем экономического развития страны острая дискуссия разгорелась по вопросу об отношении к иностранному капиталу. Ф. Гутьеррес высказался за ликвидацию «постыдных концессий, представленных правительствами Диаса и Уэрты иностранным компаниям». Выступивший в поддержку этого предложения Д. Берланга подчеркнул, что указанные концессии служили лишь средством обогащения иностранных компаний, порфиристов, угнетателей народа и имели цель «лишить нас наших земель, наших богатств, нашего национального духа, нашей родины. И, если мы признаем их, это будет конец революции». Против предложения пересмотреть и аннулировать контракты о концессиях, заключенные с иностранными компаниями правительствами Диаса и Уэрты, выступил Сото-и-Гама, который заявил, что «необходимо выполнять обязательства перед иностранными государствами, принятые до революции 1910 года». В поддержку Сото-и-Гамы выступил другой видный деятель сапатистского движения — О. Монтаньо, который уповал на помощь в развитии мексиканской промышленности со стороны «цивилизованных стран», в частности США. Взяв вновь слово, Д. Берланга сказал, что он готов уважать обязательства, о которых говорил Сото-и-Гама, но как же их можно уважать, спрашивал он, «если концессии получены за взятки, если компании не выполняют своих обязательств», и привел пример, что «Компания де фондисон де фьерро» уже 40 лет не платит налогов. «Мы, — подчеркнул Д. Берланга, — как революционеры, имеем право аннулировать контракты с иностранными компаниями, это право базируется на революционной справедливости, и мы должны заставить эти компании выплатить налоги». Х. Мадеро в своем выступлении подчеркнул, что все концессии иностранных компаний, о которых идет речь, незаконны, антиконституционны, и поддержал предложение об их пересмотре. К. Тапиа, выразив удивление по поводу странной позиции «лидеров социализма», сказал, что Сото-и-Гама и О. Монтаньо «забывают о тех огромных несчастьях, которые причиняют Мексике Соединенные Штаты, и то, что президент Вильсон никогда не признавал и не признает мексиканскую революцию». «Янки только унижают Мексику, — говорил он, — эксплуатируют мексиканский народ; выдающееся значение революции состоит в том, что она сделала огромный шаг вперед, чтобы сделать мексиканскую нацию независимой»²⁵.

Разногласия по поводу оценки роли империализма в Мексике отражали идейную незрелость многих делегатов конвента. Эта идейная слабость обусловила их неспособность понять, например, значение пролетариата в революции. Конвент не издал закона о труде, не принял мер по борьбе с голодом и дороговизной. Вместо решительных революционных мер против спекулянтов продовольствием, обогатившихся на народном горе, он обратился к торговцам с призывом «ввиду тяжелого положения, в связи с нищетой и голодом, охватившими столицу, во имя человеколюбия проявить благородные человеческие чувства и по своей доброй воле пустить в продажу товары первой необходимости, чтобы ослабить нужду народа»²⁶.

Еще 16 ноября 1914 г. конвент заявил, что будет создано новое, революционное правительство, которое «воплотит в жизнь идеалы ре-

²⁴ AGNM. Convención Revolucionaria. Leg. 7. Secretaria de Fomento. Exposición de los motivos que sirvieron de fundamento a la formación del presupuesto..., pp. 1—3.

²⁵ «Cronicas y debates de las sesiones de la Soberana Convención Revolucionaria». T. I, pp. 617, 619, 620; T. II, pp. 71—72.

²⁶ «La Convención», 24.III.1915.

волюции, установит демократические институты, дабы выполнить торжественные обязательства перед нацией, заменит тиранию правительством, которое удовлетворит насущные нужды народа»²⁷. Но такого правительства создано не было.

Конвент одобрил план Айялы, но не принял аграрного закона. В адрес конвента шли письма крестьян с просьбами помочь отобрать землю у помещиков и передать ее деревням; много поступало жалоб на своеволие местных властей, местных военачальников, называвших себя революционерами (любой «генерал», не признававший Каррансу, называл себя «революционером»). Отдельные военачальники такого рода, подобно касикам старого режима, чинили произвол и беззаконие. Местные помещики подпаивали, подкупали честолюбивых «генералов» и, «восхищаясь» их революционностью, в конце концов прибирали их к рукам. Так случилось, например с «генералом» Саласом, ставшим маэрионеткой помещика М. Кортеса, который был ярким сторонником Мэрти, командовал карательным отрядом федеральных войск, жег деревни, жители которых вели революционную борьбу против помещиков²⁸. Переродившиеся «революционеры», пользуясь отсутствием стабильной власти, оказывались маленькими диктаторами в пределах округа, района или даже одной деревни. Например, начальник гарнизона в деревне Тлальманалько (штат Морелос) полковник Т. Гарсиа выгнал из селения батрака П. Гонсалеса с семьей детьми, чтобы отдать его домик и клочок земли своему денщику. П. Гонсалес подал в конвент жалобу²⁹.

Но жалобы крестьян, как правило, оставались без ответа. Конвент раздирали внутренние противоречия: сказывалось отсутствие революционной партии с четкой и ясной программой. Работа конвента отличалась нерешительностью, постоянными сомнениями: суверенен или нет конвент, правомочен ли решать общегосударственные вопросы и т. д. Шли бесконечные споры о процедуре, по второстепенным вопросам, тратились недели на создание, пересоздание всяческих комиссий, переизбрание руководящих органов конвента, всевозможные расследования в связи с неблагоприятным поведением делегатов. Надо также иметь в виду, что конвент целиком состоял из военных, привыкших больше командовать, чем повиноваться. В нем было 12 капитанов, 18 майоров, 24 подполковника, 41 полковник и 142 генерала. Только в сапатистской делегации были «граждане невооруженные» вроде Сото-и-Гамы, который справедливо считал серьезным недостатком отсутствие гражданских представителей в конвенте. На одном из заседаний он говорил, что «конвент должен открыть двери для гражданских деятелей, для тех, кто хотя и не с оружием в руках, но борется за великое революционное дело, надо открыть двери для пролетариата, для рабочего, чтобы он подавал здесь свой голос»³⁰. 26 июня 1915 г. делегат А. Сан Мартин подал в секретариат Ассамблеи докладную записку «Об участии гражданских деятелей в конвенте»³¹, в которой говорилось: «В конвенте представлены только военные. Настал момент участия в нем гражданских представителей народа. От деятельности конвента народ ждет результатов — от людей, которые сражались за уничтожение недавней диктатуры. Но, к несчастью, уже прошли месяцы, а внутри конвента все более и более разгораются страсти, которые затрудняют выполне-

²⁷ «La Convención», 17.XI.1914.

²⁸ AGNM. Convención Revolucionaria. Leg. 7. Memorial de los vecinos del pueblo Atoyac.

²⁹ AGNM. Convención Revolucionaria. Leg. 7. A la Soberana Convención Revolucionaria. Queja de P. Gonzalez de 26.V.1915.

³⁰ «La Convención», 22.XII.1914; 4.I.1915.

³¹ AGNM. Convención Revolucionaria. Diversos asuntos. 1915. Leg. 7. Delegado A. San Martín al Secretariado de la Convención, 26.VI.1915.

ние торжественно провозглашенных обещаний. В итоге конвент не оправдал надежд, которые народ возлагал на него. Как ни прискорбно, но следует признать, что смута и хаос господствуют в конвенте». А Сан Мартин призывал срочно исправить положение. Для этого, писал он, «надо, чтобы в конвент влились новые, гражданские силы, чтобы можно было создать прочное, подлинно национальное правительство, в котором должны быть представлены все честные революционеры, дабы направить Мексику по пути национального возрождения»³².

После бесконечных споров только в марте 1915 г. конвент приступил к обсуждению программы политических и экономических реформ, когда уже назрел раскол между его двумя главными фракциями — северянами и южанами, сапатистами и вильистами. В то время, как конвент все глубже и глубже погружался в пучину междоусобиц, Карранса и его помощники не только перехватили инициативу на фронтах, но и стремились всеми мерами внушить рабочим и крестьянам, что только конституционалистское правительство откроет им путь к благополучию и свободе. В связи с этим делегат Ороско на одном из заседаний конвента говорил: «Каррансисты осуществляют революционные акции, которые мы не можем предпринять, так как единственное, что мы делаем, это теряем время самым жалким и бессовестным образом». «Обрегон,— продолжал Ороско,— сделал то, чего не сделали мы: он заставил всех буржуев, всех капиталистов отдать кусок хлеба бедным, заставил всех богачей столицы пожертвовать субсидии для этих бедняков; он потребовал этого, чтобы завоевать расположение голодного народа. Этот факт красноречив, значителен и, если мы сегодня или завтра, мы, которые действуем именем народа, не сделаем что-либо подобное, хотя бы самое незначительное, чтобы в какой-то степени гарантировать народу то, что обещаем, тогда, господа, революция непременно погибнет». Делегат Сепеда по этому же поводу сказал: «Трибуна Ассамблеи превратилась в кафедру, с которой нам читают лекции о правах человека, о его процветании в будущем, а в это время дети плачут от голода, — просят кусок хлеба; народ, которому мы сулим свободу, закон, справедливость в будущем, по-прежнему живет в голоде и нищете, ему не во что обуться и одеться. Мы толкуем о том, что народ суверенен, а он по-прежнему находится в оковах угнетения. Народ уже разочаровался в своих освободителях и не верит тому, что они ему говорят»³³.

Народ требовал от конвента принятия решительных мер против спекуляции, дороговизны, голода и нищеты; народ требовал хлеба. Вот как описывал корреспондент «La Convención» обстановку в зале заседания 21 мая 1915 г.: «Сотни женщин, пришедших уже несколько дней жаловаться на нехватку маиса, неистово кричали: «Хлеба!». На городских улицах толпы голодных людей ожидали обещанного властями маиса. Страшно истощенные малыши на руках исхудавших от нужды матерей, женщины со следами жестоких лишений на лице, падавшие в обморок, терявшие сознание...»³⁴. Правительство конвента знало, что в городе «в подвалах и магазинах имеется значительное количество маиса и товаров первой необходимости»³⁵, однако не решилось осуществить конфискацию продовольствия. Крайне тяжелым было финансовое положение конвента. Огромные суммы тратились на содержание административного аппарата, на выплату жалования делегатам конвента, многие из которых большую часть времени проводили в ресторанах и

³² Документ этот так и остался без последствий, в левом верхнем углу его карандашом написано: «В архив».

³³ «La Convención», 7.VI.1915.

³⁴ «La Convención», 22.V.1915.

³⁵ «La Convención», 24.III.1915.

ночных клубах. Поведение некоторых делегатов носило скандальный характер. Так, генерал Мендоса застрелил делегата конвента генерала Валенсуэлу. Дело обсуждалось на заседании Ассамблеи конвента, но Мендоса так и остался безнаказанным, заявив, что «Валенсуэла был убит правильно»³⁶. Число примеров недостойного поведения делегатов конвента можно было бы умножить. Временный президент Э. Гутьеррес, тайно покинув столицу 15 января 1915 г., чтобы бежать в стан Каррансы, прихватил с собой 10 млн. песо. 6 марта «La Convención» поместила статью под заглавием «Трагическая правда», в которой говорилось, что «нет денег, нет доходов, а есть голод». 20 мая на заседании конвента новый временный президент Р. Гонсалес Гарса доложил о бедственном финансовом положении, сообщив, что каждые 10 дней он передает в распоряжение армии Сапаты 200 тыс. песо. «Сегодня, — сказал он, — я должен передать Армии Юга 2 700 тыс. песо. В кассе остается 234 тыс. песо золотом, которые мы должны беречь как святыню. Такова горькая правда, хотя делегат Сото-и-Гама улыбается. Касса казначейства пуста. Конечно, можно выпустить новые деньги: вместо 1 песо 100, но это только ухудшило бы положение. Было бы хорошо затратить миллионы 15 на закупку продуктов, чтобы облегчить положение пролетариата, но я не знаю, где взять эти деньги»³⁷.

Делегация Освободительной армии Юга потребовала отставки с поста президента представителя Северной дивизии Р. Гонсалеса Гарсы, чтобы заменить его представителем Юга М. Палафоксом. Об отношениях между двумя делегациями можно судить по стенограмме одного из заседаний. 25 мая 1915 г. с резкой речью против Р. Гонсалеса Гарсы выступил Ороско, заявивший, что Р. Гонсалес Гарса якобы никогда не относился с симпатией к южанам-сапатистам (аплодисменты делегатов Юга), что он «превратился в оплот богачей, буржуев, грабителей народа, и поэтому делегаты Юга отказывают ему в доверии». Опровергая эти обвинения, делегат Севера Кастильянос квалифицировал Р. Гонсалеса Гарсу как связующее звено в союзе Вилья — Сапата (аплодисменты делегатов Севера — вильистов). Тотчас делегат Юга Мендес заявил: «Если будет нужно, мы разорвем союз с Севером». Взвешивая тут же слово делегат Северной дивизии Сервантес высказался за укрепление союза Юга и Севера, но ему не дали говорить делегаты-сапатисты, кричавшие: «Отставку Гонсалесу Гарсе!» В знак протеста делегаты Северной дивизии покинули зал заседания³⁸. На следующий день перед зданием конвента были выстроены сапатистские войска.

Как свидетельствуют документы, делегация Северной дивизии с уважением относилась к революционерам Юга. Именно делегаты Северной дивизии внесли предложение о приглашении представителей Э. Сапаты в конвент, а когда делегация южан предложила принять план Айялы, первыми в его поддержку выступили уважаемые и известные во всей стране деятели — представители Северной дивизии, сподвижники Ф. Вилья Р. Гонсалес Гарса и Ф. Анхелес. Их поддержали остальные делегаты Северной дивизии. Делегация Северной дивизии делала все, чтобы сохранить союз Э. Сапаты с Ф. Вильей. 4 декабря 1914 года в Хочимилко, в ставке Э. Сапаты, состоялась встреча Сапаты и Вилья. Сохранилась стенографическая запись переговоров, которая позволяет представить их в деталях. На встрече присутствовали со стороны Освободительной армии генерал Э. Сапата, его брат генерал Эуфемии, П. Мартинес, М. Палафокс. Вместе с Ф. Вильей на встречу прибыли генералы Р. Гонсалес Гарса, А. Саласар.

³⁶ Archivo General. Convención Revolucionaria. Diversos asuntos. Leg. 7.

³⁷ «La Convención», 25.I, 6.III, 21.V.1915.

³⁸ «La Convención», 26.V.1915.

Во время беседы разговор зашел о земле. Обращаясь к Сапате, Вилья сказал: «Все мои помыслы — о разделе земель богачей», на что Сапата ответил: «Народ жаждет земли, это — его мечта». Вилья продолжал: «Наш народ никогда не знал ни справедливости, ни свободы. Все земли в руках богачей, а безземельный бедняга должен работать от зари до зари. Я полагаю, что в дальнейшем должна наступить другая жизнь, а до тех пор мы не выпустим из рук оружия». Сапата заверил Вилью, что будет вести борьбу за эту лучшую жизнь, пока он жив и пока живы его соратники. Вилья обратился к участникам встречи: «Издавна мы испытываем гнет тирании. Я сын простого народа, и мы, которые представляем этот народ, должны сделать его счастливым. Вы можете быть уверены, что Франсиско Вилья никогда не изменит народу... И я заявляю, что я не стремлюсь и не желаю занимать какие-либо государственные посты; для меня счастье моей родины превыше всего. Что касается этих крупных землевладельцев, то я намерен поддержать идеи плана Айялы, чтобы забрать их земли и передать народу». Выступивший затем П. Мартинес подчеркнул важность встречи двух самоотверженных борцов за счастье народа и выразил уверенность в победе революции и освобождении мексиканского народа. Р. Гонсалес Гарса, обращаясь к двум выдающимся руководителям революции, сказал: «Генералы Сапата и Вилья! Судьбы родины в ваших руках, послушайте бескорыстный совет... Генерал Сапата должен обеспечить победу революции на Юге, а Вы, генерал Вилья, должны обеспечить победу революции на Севере». Далее он напомнил о задачах, стоящих перед конвентом в деле решения экономических и социальных проблем, и просил Сапату и Вилью поддержать эти усилия конвента, и тогда «вы станете еще более великими и уважаемыми не только в нашей стране, но и во всем мире». Там же, в Хочимилко, был подписан пакт, который предусматривал: 1. Военный союз между Северной дивизией и Освободительной армией Юга. 2. Признание Вильей и Северной дивизией плана Айялы. 3. Снабжение Вильей армии Сапаты оружием и боеприпасами. 4. Взаимное обязательство обоих руководителей бороться после победы революции за избрание на пост президента гражданского деятеля³⁹.

Вот этот-то союз Севера и Юга и рушился теперь в конвенте. Делегация Северной дивизии, покидая зал заседания, передала в Ассамблею документ, в котором указывалось, что «позиция, занятая группой делегатов Юга во главе с Диасом Сото-и-Гамой, угрожает союзу Вильи — Сапаты, союзу Севера и Юга в столь ответственный момент, который переживает страна и революция»⁴⁰. Но этот документ остался без последствий. Делегаты-сапатисты переехали в Хохутлу (Морелос) и существовали там как фракция конвента до 1916 года. Делегаты-виллистсы из Толуки двинулись на север, сначала в Ихтлауаку, а затем в Рио Берде (штат Сан Луис Потоси), где 29 ноября 1915 г. на асьенде «Ла Груньидора» каррансистский полковник Э. Агиляр разгромил остатки вильявской фракции конвента⁴¹. Таков был печальный конец конвента.

Конвент был попыткой мексиканской мелкобуржуазной демократии найти пути решения самых жгучих проблем, поставленных революцией. Он сформулировал программу социально-политических реформ. В области аграрного вопроса программа предусматривала уничтожение латифундий, раздел их на участки для передачи крестьянам в размере, достаточном для обеспечения потребностей одной семьи, возвращение деревням эхидос (выгонов, выпасов, общинных владений), земель и вод, отнятых у них в свое время, развитие сельского хозяйства путем улучшения агротехнических методов, развитие агрономии. В об-

³⁹ «Planes políticos y otros documentos», pp. 116—122.

⁴⁰ L. C. F. A m a y a. Op. cit., pp. 442—443.

⁴¹ «Planes políticos y otros documentos», p. 123.

ласти рабочего вопроса декларировалась необходимость разработки законодательства с целью смягчения эксплуатации (именно о смягчении, а не об уничтожении эксплуатации говорилось в этом документе), избавления от нищеты посредством соответствующих социальных и экономических реформ, а именно: распространения среди рабочих образования, издания законов о пенсиях, о пособиях при несчастных случаях на производстве, регламентации рабочего времени, соблюдения правил гигиены на предприятиях, признания права юридического лица за союзами и обществами рабочих, чтобы предприниматели имели дело с организованными в союзы, а не с отдельными, беззащитными рабочими, признания за ними права на забастовки и бойкот, уничтожения тындас де райа⁴².

В разделе «Социальные реформы» предлагалось способствовать эмансипации женщин. В разделе «Административные реформы» декларировалась необходимость введения светского образования, расширения системы народного просвещения, ликвидации монополий, пересмотра законодательства об акционерных обществах, «дабы воспрепятствовать злоупотреблениям со стороны правлений и гарантировать права мелких пайщиков». Программа предусматривала реформу горного законодательства с целью расширения прав государства, обеспечения охраны жизни и здоровья горняков. Предусматривалось обязать «иностран-ные компании, желающие вести свои дела в Мексике», учредить здесь представительства, уполномоченные распределять дивиденды, информировать держателей акций, предоставлять для ознакомления всякого рода книги и документы. Предлагалось, чтобы мексиканские суды были облечены правом рассматривать претензии, возникающие по отношению к иностранным компаниям. Далее в программе говорилось о необходимости пересмотра налоговой системы, ликвидации привилегий крупных капиталистов, уничтожении косвенных налогов. В разделе «Политические реформы» предлагалось ликвидировать сенат как аристократический, консервативный институт, обеспечить независимость судебных органов, ввести систему прямых выборов, конфисковать имущество врагов революции и предать их суду⁴³. Как видим, эта программа была весьма умеренной, но она явилась определенным вкладом в буржуазно-демократическую программу революции в целом.

Конвент принял и некоторые конкретные меры. Так, был издан декрет об аннулировании всех юридических актов правительства Уэрты. Были конфискованы владения и имущество бывших министров правительств Диаса и Уэрты, виднейших представителей порфиристской реакции: Хосе И. Лимантура, Э. Рабасы, М. Ромеро Рубио, Э. Криля, П. Маседо, В. Эстаньола и других⁴⁴. Преодолев ошибочную позицию О. Монтаньо — Сото-и-Гамы, конвент занял патриотическую позицию в связи с интервенцией США, решительно потребовал от правительства Вильсона вывода американских войск с территории Мексики⁴⁵. Когда в конце мая 1915 г. Вильсон выступил с новой угрозой в адрес Мексики, Р. Гонсалес Гарса 1 июня направил всем командующим соединений армии конвента приказ быть в боевой готовности на случай вооруженной интервенции США. 2 июня «La Convención» в статье «Интервенция?» писала: «Только единство может предотвратить интервенцию, которая ставит под угрозу будущее Мексики».

14 июня была отправлена телеграмма конвента Каррансе с предложением о перемирии. Не дожидаясь ответа, Ассамблея объявила перемирие на всей территории страны, чтобы «все революционные силы

⁴² Ibid., pp. 123, 124.

⁴³ Ibid., pp. 125—127.

⁴⁴ «La Convención», 4, 7, 8, 9.VI.1915.

⁴⁵ «La Convención», 2.VI.1915.

могли направить своих представителей в Мехико» для избрания временного президента, формирования правительства из представителей трех фракций (по три от каждой фракции): конституционалистской армии, Освободительной армии Юга и Северной дивизии⁴⁶. Ассамблея приняла решение, что программа будущего правительства должна базироваться на принципах, изложенных в программе социально-политических реформ, планах Гвадалупе и Айялы. Но и эта попытка компромисса оказалась беспочвенной: в самом конвенте не было единства, что играло на руку лидерам буржуазно-помещичьего блока. Предложение о создании коалиционного правительства было отвергнуто Каррансой. Каррансистский генерал П. Гонсалес потребовал от конвента безоговорочного признания правительства Каррансы и возобновил наступление на столицу⁴⁷. Попытка конвента мирным путем решить вопрос о власти потерпела крах. Наступил последний этап гражданской войны, во время которого буржуазно-помещичий блок одержал победу.

Первый удар Карранса нанес Северной дивизии Ф. Вильи, которая была разгромлена в апреле 1915 года. Затем, в течение 1915—1916 гг. каррансистские войска нанесли ряд серьезных поражений Освободительной армии Э. Сапаты, блокировав ее остатки в горах Морелоса. Вследствие предательства анархо-синдикалистских лидеров Каррансе удалось использовать в борьбе против армий Э. Сапаты и Ф. Вильи часть столичного пролетариата и сформировать «красные батальоны» для участия в боях на стороне каррансистской армии. Когда же рабочие поняли, что они были обмануты, и выдвинули требования радикального улучшения своего положения, в 1916 г. Карранса жестоко подавил эти выступления, не остановившись перед введением смертной казни за участие в забастовках.

Так молодая мексиканская буржуазия, пришедшая к власти с помощью трудящихся, расправилась со своими недавними союзниками. Это стало возможно потому, что крестьяне и рабочие Мексики были разобщены, что мексиканский пролетариат был еще не способен выступить гегемоном революции, а мелкобуржуазные деятели оказались не в состоянии претворить в жизнь стремления трудящихся к свободе, демократии, лучшей жизни.

⁴⁶ «La Convención», 15.VI.1915.

⁴⁷ «La Convención», 21.VI.1915.